

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Анна НИКИТСКАЯ

СВИТКИ НОРГСТОНА.
ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГРАНЬ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н62

Серия основана в 2004 году
Выпуск 494

Художники
О. и Е. Юдины

Никитская А. В.

Н62 Свитки Норгстона. Путешествие за Грань: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 311 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1594-6

В одно мгновение превратиться из обычного подростка в наследника загадочного волшебного замка Норгстон, получить необычайные способности и воочию увидеть самых настоящих фей, гномов и великанов — о таком невероятном подарке судьбы шестнадцатилетний Хью не мог даже и мечтать. Стремясь убежать от своих детских обид на родного отца, он, не раздумывая, отправляется навстречу своей удаче в компании странных и забавных созданий: говорящего скакуна, потомка самого Пегаса, утконосного карлика, превращающего предметы в золото, и неумного бесенка с трудным характером. Однако очень быстро герой понимает, что его путь не так прост и безопасен, как ему казалось на первый взгляд.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Никитская А. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1594-6

Глава 1

ДОМ НА ЛИМПИК-СТРИТ

— Я надеюсь, ты принес мне хорошие вести, мой верный Фелонадор?

На роскошно украшенном хрустальном троне сидел человек, облаченный в черные длинные одежды. К его правому боку был пристегнут внушительного вида меч с прозрачной рукоятью. На абсолютно гладкой голове блестел золотой обруч, украшенный десятком крупных бриллиантов. От его мощной фигуры исходило ощущение силы и опасности, которое лишь усиливал взгляд его бесцветных колючих глаз. Он пригвоздил ледяным взором согнувшего в почтении и страхе посланника, с нетерпением ожидая ответа.

— О да, повелитель! — Человека, стоящего на одном колене, била дрожь.

— Тогда почему он до сих пор не здесь? — Человек с ледяными глазами подошел вплотную к своему слуге и поднял его подбородок двумя пальцами, затянутыми в железную перчатку.

— Потому что нам снова не удалось схватить его... — торопливо начал человек по имени Фелонадор.

— Что?!

Послышался жуткий хруст. Человек, стоящий на колене, взвыл от боли и, держась за подбородок, упал на черный мраморный пол.

— Выслушайте, повелитель! — умоляюще заговорил посланник, преодолевая дикую боль и с трудом произнося слова. — Он не сбежал, как обычно, но и нам не достался... Так случилось, что, уходя от погони, они все вместе прыгнули в Черную Бездну. Оттуда еще никто не возвращался...

Вы же знаете! Вашего врага и его семьи больше нет! — Посланник был безумно рад, что ему удалось закончить свою речь, ведь многим не удалось договорить.

Человек в черном повернулся к слуге спиной.

«Что же, одним препятствием меньше. — Довольный собой, он оскалился в улыбке, от чего черты его лица стали еще более свирепыми. — Мне он больше не помеха!»

Повернувшись к перепуганному посланнику, он приказал:

— Встань, мой верный вассал!

Мужчина почувствовал огромное облегчение и, все еще держась за поврежденную челюсть, привстал с колен, не смея поднять голову.

— Будем считать, что ты справился с поставленной задачей, — медленно проговорил человек в черном.

Фелонадор облегченно выдохнул. Сегодня он сумел избежать наказания, и даже смог завоевать расположение своего господина. О большем он не мог и мечтать.

— Ступай, на сегодня ты свободен, — приказал господин и вновь повернулся к слуге спиной, давая понять, что разговор окончен.

В этот вечер мисс Кунс, как обычно, смотрела свой старенький телевизор, по внешнему виду которого можно было предположить, что он едва ли младше своей хозяйки. Впрочем, она смотрела его почти круглосуточно, поскольку других «достойных» занятий эта дама весьма почтенного возраста себе не находила. У нее никогда не было близких друзей, а ее просто баснословная жадность отпугивала от дома даже самых отчаянных попрошайек.

В свои шестьдесят с лишним лет была она маленькая и худенькая и выглядела точно сушеная слива, которая случайно закатилась под шкаф да и пролежала там добрый десяток лет, изрядно пожухнув. Одежда на ней, казалось, не менялась с давних пор, не стиралась и не гладилась. За столь неприглядный вид и исходивший от нее специфиче-

ский запах местные мальчишки прозвали ее Мисс Скунс и старались обходить ее дом стороной.

Жила старая дама одна и никогда не имела ни детей, ни мужа, потому что всю свою долгую безрадостную жизнь ждала принца на белом коне. Но принц то ли застрял где-то в очередной многочасовой пробке, то ли был похищен какой-то беспринципной искательницей мужа по пути к даме его сердца — история об этом умалчивает. Доподлинно известно лишь то, что мисс Кунс в этом бессмысленном ожидании упустила все возможные шансы, коих, откровенно говоря, было совсем немного. И не потому, что она была так уж дурна собой, — вовсе нет. Она попросту не интересовалась никем и ничем, не имела никаких талантов и вообще никак не проявляла себя, искренне полагая, что любовь приходит сама по себе и вмешательства в свои дела не терпит. Масла в огонь, несомненно, подлили весьма почитаемые ею родители, которые не уставали напоминать своей подрастающей дочурке, что навязываться мужчинам непристойно и что приличная девушка должна лишь принимать знаки внимания, не выдавая при этом своих истинных чувств.

Однако, дожив до столь почтенного возраста и ощутив всю полноту своего одиночества, мисс Кунс начала подумывать, а не обманулась ли она в своих представлениях о жизни. Решив в конце концов, что жестоко ошиблась, она перестала ждать чуда и сильно обозлилась на весь окружающий мир. Эмоции, которые она долгие годы хранила под маской безразличия, выплеснулись в один прекрасный (или, скорее, далеко не самый прекрасный) день наружу потоком всеобъемлющей неприязни. И первым номером в ее личном списке «нежелательных контактов» стали дети. Ей доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие сообщать родителям шалунов о подсмотренных ею проделках. Она делала это в надежде на достойное наказание «маленьких варваров» со стороны разгневанных родичей. Но, получив столь драгоценную информацию, эти самые родичи не спешили тащить своих обожаемых чад к позорному столбу, что, в

свою очередь, возмущало почтенную мисс еще больше. И со временем она оставила это неблагодарное занятие.

И все-таки было в ее жизни кое-что заслуживающее отдельного внимания — ее обиталище. Однако назвать обиталищем огромный двухэтажный особняк, построенный в конце позапрошлого века, было бы вряд ли уместно, если бы не полное его запустение. Содержание дома требовало значительных средств, коих у хозяйки не имелось, а продавать его, несмотря на постоянное наличие весьма выгодных предложений, она никак не желала. Этот дом был ее сущностью, ее единственным родным существом, ее связью с прошлым.

Чтобы как-то решить финансовую проблему, мисс Кунс собралась сдавать дом в аренду, сама она хотела временно поселиться во флигеле во дворе. Однако вскоре выяснилось, что по вполне понятным причинам ее намерения никак не могли быть осуществимы. Прежде всего потенциальным арендаторам запрещалось производить какие-либо изменения внутри особняка, что не прибавляло желающих жить в обстановке конца девятнадцатого века, когда современный уровень дизайна и комфорта прочно занял место в умах и сердцах жителей мегаполиса. Еще одним непременным требованием пожилой дамы было отсутствие детей, что также не облегчало ей задачу по поиску жильцов, поскольку такой огромный дом был совершенно к ни чему одиноким людям или бездетным парам. Да и значительная цена за аренду отбивала интерес у людей. Окончательно отчаявшись найти достойных постояльцев, несчастная мисс Кунс решила наконец сдаться и продать свое сокровище одному из исторических фондов, чтобы не допустить неминуемого разрушения дома.

«По крайней мере, они обещали сохранить внешний вид особняка», — утешала она себя.

Как упоминалось ранее, в тот вечер старая дама смотрела телевизор. Но взгляд, обращенный к экрану, был пуст, как ее чашка, чай из которой она уже давно выпила, но, не обращая на это никакого внимания, продолжала держать перед собой. На следующий день была назначена сделка по прода-

же дома, и происходящее на экране не слишком ее занимало. Сквозь пелену печальных размышлений старушка едва обратила внимание на объявление в углу экрана: «Супружеская пара снимет жилье. Предпочтение отдается большим старинным домам. Цена значения не имеет». Ее уставший мозг зацепился за последнюю часть объявления, содержание которого мгновенно вызвало приступ сильного возмущения, и почтенная дама, забыв обо всех приличиях, в самых недвусмысленных выражениях принялась высказывать свое негодование:

— Ах... цена не имеет значения! Тут всю жизнь экономить, а самое дорогое... единственно дорогое, что есть в жизни, приходится продавать... этим... как их!.. Зажрались... такие. Чтоб вас черти забрали!

Пока она ругала на чем свет стоит неизвестного транжиру, представителей фонда исторического наследия и всю свою несчастную жизнь, на экране продолжали мелькать идиотски счастливые лица героев очередной мыльной оперы. Это обстоятельство вполне могло довести пожилую женщину до белого каления, если бы не пришедшая внезапно в голову мысль: «Даже если цена в действительности не имеет значения, какой дурак вообще об этом станет заявлять во всеуслышание?! Это как-то странно и совсем не практично».

Эти размышления привлекли ее внимание к остальной части объявления. Апатию и гнев сменила сначала робкая надежда, а затем неподдельная радость. И в этот момент даже такая малосимпатичная старушка, как мисс Кунс, выглядела очень премиленно.

«Такого просто не может быть! Вот она — настоящая удача!»

Если бы только почтенная дама представляла, чем вся эта так называемая удача для нее обернется, то, вероятно, с радостью продала бы дом и доживала свой век в уютной современной квартирке. И ей бы не пришлось столкнуться под конец своей жизни с обстоятельствами, которые так изменили ее привычный мир.

Ну а пока окрыленная надеждой дама с совершенно несвойственной ее возрасту прытью направилась искать телефонный аппарат, поскольку за неимением собеседников не пользовалась им с древних времен и даже не помнила, где он лежит. Отыскав трубку среди кучи какого-то старого хлама, она набрала заветный номер крючковатыми дрожащими пальцами.

«Лишь бы у них не было детей!» — только и успела подумать она.

На другом конце провода раздался низкий заволаживающий мужской голос с легким оттенком превосходства:

— Роберт Тэйлор, слушаю вас.

— Это говорит мисс Кунс. — Она запнулась и сбивчиво продолжила: — Я прочла объявление... в смысле... я сдаю дом, в общем, думаю, он должен вас устроить... Он старый, очень старый и большой... я хочу сказать, очень большой, правда немного запущенный... Вот... Да, кстати, у вас есть дети?

Бедная старушка не могла припомнить, чтобы она вообще позволяла себе хоть малейшую неуверенность в разговоре с посторонними, но у нее было ощущение, что она на уроке в пятом классе и сейчас ей поставят двойку за невыполненное задание.

— Нет, детей пока нет. Если изволите, мы хотели бы осмотреть дом незамедлительно! — продолжал гипнотизировать голос.

— Да, да... когда пожелаете... хоть сейчас! Лимпик-стрит, пятьдесят шесть. Я...

— Ожидайте. Скоро прибудем, — оборвали ее на полуслове.

В трубке раздались гудки, магический голос исчез.

«Да что же это такое со мной, — подумалось мисс Кунс. — Ночь на дворе, приедут совершенно чужие люди, как он там выразился — «извольте незамедлительно»! А если я не изволю! И что это значит — нет детей пока?!»

Она и сама не вполне понимала, что так ее раздосадовало, ведь решить вопрос в кратчайшие сроки было в ее собственных интересах.

«И что в действительности меня так злит? Может, этот повелительный тон незнакомца, может, собственная растерянность?»

Но на самом деле ее очень пугала мысль, что, даже не лишившись родового гнезда, она более не будет в нем хозяйкой, переехав, по сути, в дом для слуг.

«Ничего. Это временно, — подумала она, и на душе ее стало значительно спокойнее. — Это временно».

Глава 2 НЕОБЫЧНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

Роберт Тэйлор уверенно шел по Лимпик-стрит. На вид ему было не более сорока лет. Смуглая кожа выгодно сочеталась с черными, как смоль, волосами. А безупречно скроенный, слегка старомодный костюм удачно довершал образ. Во всем его облике чувствовались какая-то внутренняя сила и напряженность. Увидев издали дом, он заметно расслабился. Этот большой, величественный, хотя и несколько обветшалый особняк резко выделялся на фоне современных соседских построек.

«То, что надо», — подумал мужчина и чуть заметно улыбнулся, что в последнее время случалось с ним нечасто.

Рядом с ним, гордо расправив плечи, шла красивая черноволосая женщина, завернутая в длинный темный плащ. У нее была смуглая кожа, но лицо ее казалось чрезмерно бледным. Талия Тэйлор составляла превосходную партию своему статному супругу, образуя с ним единое целое. Даже глаза у них были одного пронзительно-голубого цвета. Но при столь значительном сходстве никому не пришло бы в голову принять их за родственников. Одинокому прохожему они могли показаться сказочными героями, ну или по меньшей мере экстравагантными голливудскими звездами. За ними следовал седовласый жилистый мужчина, нагруженный горой чемоданов и сумок, которые он, несмотря на свой уже явно преклонный возраст, нес с необычайной легкостью и даже некоторым достоинством.

«Вероятно, губернёр, — думали люди, наблюдавшие за этим трио со стороны. — Бедняга, неужели было так сложно нанять такси?»

Но Ганнибал так не думал, вернее сказать, он вообще ни о чем не думал, а следовал себе спокойно за супружеской четой.

Замыкал шествие четвертый участник группы — коротконогий, вислоухий бассет. Он изо всех сил старался догнать своих хозяев, но путался в ушах и постоянно цеплял носом землю. Даже не понимая языка животных, по выражению его морды было ясно, что, будь он человеком, наверняка подал бы в суд на своих хозяев за жестокое обращение. Хозяева же будто этого не замечали, так как скорости шага не замедлили ни на секунду.

В ожидании гостей мисс Кунс приготовилась к отражению атаки. Она решила потребовать цену выше первоначально заявленной, раз уж подвернулся такой удобный случай. А еще ей решительно не нравился тот повелительный тон, с которым незнакомец разговаривал с ней, и она решила, что в этот раз последнее слово останется за ней.

Подойдя к парадной двери, мистер Тэйлор громко постучал. Дверь тут же отворилась, и перед гостями предстал хозяйка дома.

«Все, как я и представлял», — подумал он и внутренне сморщился. Он и не ожидал, что сможет так легко читать мысли людей. Поэтому он уже знал, о чем пойдет речь, и был к этому готов, в конце концов, цена для него действительно значения не имела. Они вошли в большой холл, скорее напоминающий по размерам баскетбольную площадку. На грязном потолке висела массивная люстра, очень похожая на те, что обычно украшают концертные залы. Ее покрывал столь толстый слой пыли, что в прихожей образовался выгодно скрывающий лица гостей полумрак. Роберт Тэйлор шагнул вперед, закрыв своей широкой спиной жену и их спутника, а собака так быстро юркнула под полы плаща мисс Тэйлор, что и вовсе осталась незамеченной. К счастью, чтение мыслей было не единственным удивительным та-

лантом, которым обладал глава семейства, и он, не размышляя, пустил в ход свой уникальный голос.

— Ваше предложение нас устраивает. — Он протянул мисс Кунс стопку новеньких банкнот.

Хозяйка дома слегка опешила.

«Это все проклятая старость, — решила она. — Совсем памяти не осталось. А как удачно я все провернула. Теперь мне хватит этих средств с избытком!»

Весьма довольная собой, она предложила:

— Не хотели бы вы осмотреть дом?

— Это подождет. Но у нас есть особое пожелание.

— Я вас слушаю. — Миссис Кунс насторожилась. А вдруг это пожелание окажется не таким пустяковым, как она надеялась.

— Мадам, мы люди очень замкнутые и не желали бы чужого присутствия в нашем доме. Поэтому просим вас не посещать нас до тех пор, пока мы не примем решения покинуть ваш дом. Необходимую сумму я ежемесячно буду приносить вам лично, — закончил мистер Тэйлор, одарив ее самой обаятельной улыбкой, на какую был способен.

Едва ли старая леди уловила смысл обращенных к ней слов. Она лишь слышала убаюкивающий мелодичный голос, который уносил с собой все ее сомнения и тревоги. Мистер Тэйлор посмотрел ей в глаза и понял, что, как всегда, сделал свое дело блестяще.

Старая дама лишь глупо улыбнулась и хихикнула:

— Само собой разумеется! Я вас покидаю, не буду препятствовать более вашим делам. Ах, какая же миленькая у вас собачка, — пропела она, наконец заметив собачью морду, — пес внимательно смотрел на нее из-под полы плаща. — Всего вам доброго!

И она направилась к своему новому месту жительства, уже не считая его неприличным, а даже, напротив, очень даже уютным. И если бы прежняя мисс Кунс осознала, что первый свой в жизни комплимент отпустила в адрес собаки, то от расстройства не дождала бы до своего очередного дня рождения, поскольку «миленькие собачки» шли следую-

щим пунктом за «славными детишками» в том самом личном списке нежелательных контактов.

Как только за хозяйкой закрылась дверь, все в комнате пришло в движение.

— Талия, как ты себя чувствуешь? Скоро уже? — Придерживая жену за талию, мистер Тэйлор быстро повел ее по лестнице вверх. Повинуясь природному чутью, он безошибочно направился в самую чистую и просторную комнату.

— Не переживай, время еще есть, — ласково ответила она и сморщилась от очередного приступа боли.

Зайдя в комнату, он помог жене снять плащ, и бедная женщина обхватила руками свой огромный живот. Роберт уложил ее на кровать, быстро спустился по ступеням вниз и громким голосом принялся отдавать распоряжения:

— Ганнибал, ты пока мне еще нужен таким, потерпи, друг. Пойди на кухню, вскипяти побольше воды и подними все в комнату Талии! Эрлдюю, поразнюхай-ка, где у нас могут быть чистые полотенца и какая-нибудь еда.

«Поразнюхай-ка. Он улыбнулся удачно подобранному выражению и оглянулся в поисках пса. И тотчас увидел, как тот уже нашел кипу полотенец и предпринимал попытки тащить их по полу, беспрестанно наступая то на собственные уши, то на края полотенец, и, казалось, ругался сквозь стиснутые зубы.

— Эрлдюю! Я, кажется, просил найти полотенца, а не вытирать ими полы. Эти полотенца нужны нам сегодня чистыми! — Он поднял стопку с пола, усмехнулся в ответ на недовольную гримасу собаки и, вытащив из сумки небольшой кожаный чемоданчик и массивный нож, поспешил наверх.

Роберт зашел в комнату, положил полотенца на прикроватный столик и подал жене прихваченный внизу изящный чемоданчик. Талия тут же вытащила из него какой-то старинный пузырек с мутно-зеленой жидкостью и сделала глоток.

— Все. Уже не больно, — через секунду сказала она и улыбнулась своей мягкой безмятежной улыбкой.

— Так почему ты столько терпела? — Казалось, мисс Тэйлор удалось удивить своего супруга. — Ты великолеп-

ная целительница, но я не думал, что от этой боли есть средство! Почему же ты раньше им не воспользовалась?

— Да потому, мой обожаемый супруг, что у этого зелья есть один маленький побочный эффект. Оно значительно приближает начало процесса. А сейчас я попросила бы тебя освободить эту комнату. Мы, nereиды, очень стеснительны во всем, что касается женских дел! Спасибо за помощь, но дальше я справлюсь сама.

И, словно в подтверждение ее словам, ребенок в животе сильно толкнулся, требуя выпустить его на свободу. Просить дважды своего перепуганного происходящим супруга ей не пришлось: он, спотыкаясь, поспешил выйти из комнаты.

— Я, черт побери, воин, а не повивальная бабка, — как бы оправдывая несвойственную ему растерянность, пробурчал мужчина себе под нос.

— А я, черт побери, конь! — возмущенно заявил подошедший к нему Ганнибал. — И я требую, чтобы ты наконец вспомнил об этом!

— Друг мой, ты всегда был крайне нетерпелив, хотя в остальном лучше друга не найдешь на целом свете! — Роберт положил руку на плечо пожилому мужчине. — Давай спустимся вниз и подготовим все, что надо для будущего наследника или наследницы, как уж там получится.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — тихо сказал его спутник. Однако по лицу было видно, что он польщен похвалой в свой адрес.

И они вместе зашагали по ступенькам вниз.

Спустившись в холл, друзья принялись разбирать чемоданы. Прежде всего их внимание привлек совсем небольшой, но очень старый сундук с резным изображением двух сражающихся драконов. Именно этот объект представлял особую ценность для главы семьи. Он обладал удивительным свойством — позволял своему владельцу вынимать из своих недр и помещать обратно любые предметы мебели, необходимые для обустройства дома, будь то простой табурет или целый мебельный гарнитур. Это был подарок матери Роберта ко дню свадьбы. Она очень им дорожила, поско-

льку вещь была чрезвычайно редкая и даже в том мире, откуда он явился, цены не имела. Сундук с незапамятных времен передавался из поколения в поколение и наполнял в разные эпохи дома рода Тэйлоров прекрасными изделиями ручной работы.

Мистер Тэйлор прикоснулся к его крышке, что-то прошептал и вытащил оттуда новенькую кровать с прозрачным балдахинном. Именно в такой он сам когда-то спал. Почувствовав тяжесть кованых перил, он несколько опешил. Это было непривычно и крайне неприятно. Физическая сила, которой он обладал прежде и которую воспринимал как данность, испарилась, словно ее и не было.

Ганнибал, почувствовав неладное, поспешил на помощь. Вместе они опустили на пол тяжелую ношу.

— Она ушла окончательно... моя сила, — тихо сказал Роберт

— Мы же знали, что так случится, когда покидали наш дом, — ответил седовласый.

— Мы были вынуждены бежать! Это был наш единственный выход! — словно оправдываясь, возразил Роберт.

— Не кипятись, я знаю! Знаю.

— Но я и предположить не мог, что это произойдет так скоро! Я ведь еще не утратил свой дар убеждения и даже, кажется, открыл в себе способность к чтению мыслей людей! — с отчаянием в голосе сказал мужчина, а через мгновение добавил с грустной улыбкой: — Я же говорил, что мне понадобится твоя помощь.

— Куда ты без меня! — бодро заметил Ганнибал.

— Тебе придется хорошо поработать. Нам понадобится новая мебель. Предлагаю для начала избавиться от этого хлама.

— Принимается!

Они стали стаскивать всю старую мебель в доме и помещать ее в сундук. При этом Роберт занимался всякой мелочовкой вроде старых табуретов, светильников и гардин. А Ганнибал с легкостью ворочал громоздкие диваны, шкафы, кровати и прочие предметы интерьера, которые требовали усилий по меньшей мере двух-трех крепких мужчин.

Тем временем из подвала показалась собачья голова с грустными глазами. Появление вислоухого создания вызвало приступ неудержимого хохота.

— Ну ты его уделал, Роберт! — Ганнибал почти катался по полу.

— Ну зачем ты так, Ганнибал! Просто люди обычно очень равнодушны к подобного вида существам! Я лишь хотел, чтобы нас приняли за своих в этом мире!

— Лучше бы ты сделал его пуделем, тому хотя бы уши не мешают, и бегают он порезвее, — с рассудительным видом продолжил седовласый мужчина. И, не выдержав, прыснул от хохота.

— Господа, надеюсь, я вполне удовлетворил вашу жажду развлечений и могу рассчитывать на возвращение своего привычного облика, — с обидой в голосе, но с чувством собственного достоинства произнес бассет.

— Конечно, Эрлдюю, — согласился мистер Тэйлор. — Ты не мог бы подойти поближе.

Пес двинулся по направлению к мужчине, стараясь идти как можно медленнее и бормоча себе под нос:

— Я не дам вам даже полшанса на то, чтобы вновь стать мишенью для ваших гнусных насмешек!

— Как насчет «Педигри»? Может, со вкусом кролика? — не унимался Ганнибал.

— С превеликим удовольствием! Вот только полижу у себя под хвостом, — съязвил пес.

— Ну-ну, друг! Не сердись! В последнее время у нас было так мало поводов для веселья. С этими словами Роберт наклонился к шее пса и расстегнул золотой ошейник, больше похожий на изящное ожерелье.

Мгновенно на месте их четвероногого друга возникло существо крайне странного вида. Эрлдюю был ростом не более метра. В целом он напоминал маленького тощего человека с глазами-бусинками и невероятно длинным плоским носом, весьма схожим с утиным клювом. Кожа на его теле имела темно-коричневый оттенок, а из всклоченной шелвуры торчали уши, по форме напоминающие лисьи. Одет он был в курточку зеленого цвета и синие штанишки шаро-

видной формы, отчего его ноги казались еще более тощими. Но самым странным в его облике было отсутствие обычных ступней, вместо них красовались красные гусиные лапы.

— Вот так-то лучше! — заключило существо после тщательного осмотра своего отражения в большом зеркале, которое Ганнибал поднес к сундуку до того, как их работа была прервана появлением Эрлдюю. Эту его уверенность вряд ли разделит бы здравомыслящий человек, но для своих друзей, знавших его много лет и любивших, он действительно выглядел родным и привычным.

Удовлетворенный осмотром, он повернулся к своим спутникам и деловито заявил:

— Мы, кажется, поиздержались во время нашего путешествия! Что ж, ваш личный казначей вернулся и готов вас спасти от неминуемой голодной смерти. Я тут все обнюхал (в этом месте он сделал паузу и скорчил рожу Ганнибалу) и выяснил, что в этом доме нет ни кусочка съестного. Бьюсь об заклад, что даже тараканов не видно лишь потому, что все они повымирали на таких харчах! А ты, парнокопытный, если не хочешь разделить их участь, ступай и нарви мне листьев покрупнее. Да не как в прошлый раз, погрызенные да с проплешинами, а целехонькие! И лучше желтых. С камешками у них тут сложнее.

Закончив свою пламенную (местами непонятную для постороннего уха) речь, Эрлдюю повернулся на своих красных лапах и забавной походкой направился к куче чемаднов.

Открыв небольшую коричневую сумку, он вытащил оттуда маленький пурпурный мешочек, перетянутый золотым шнурком.

Тем временем, недовольно ворча себе под нос, Ганнибал отправился во двор. Подтянувшись на нижней ветке старого могучего дерева, он с легкостью забрался на него, нарвал листьев и, легко спрыгнув вниз, вернулся в дом.

«Какой же он сильный и ловкий, а эта седина ему так к лицу», — вздохнула наблюдавшая всю эту картину из окна своего флигеля мисс Кунс. — Он, конечно, на десяток лет меня младше, но может стать...»

Она захихикала и позволила своему воображению унести ее в далекие годы юности.

Не подозревающий о том, что только что стал предметом грез столь малоприятной ему особы, Ганнибал вернулся в дом и передал свой улов Эрлдюю. Тот внимательно все изучил и на этот раз остался доволен. Развязав тесьму на мешочке, он бережно вынул оттуда небольшую горстку какой-то блестящей пыли. Затем разложил листья на столе и аккуратно посыпал их извлеченным порошком. Листья начали дымиться, источая приятный древесный запах. Раздался хлопок, и на их месте оказалось довольно внушительное количество золотых монет.

— Отлично, Эрлдюю! — сказал мистер Тэйлор. — Но уже слишком поздний час. Завтра я постараюсь обменять это на местные деньги. Может, даже получится пристроить те рубины и изумруды, которые у нас остались. И, дорогой друг, уж прости, придется еще немного побыть в образе. Талии сейчас просто необходимо подкрепиться. Эта старая мисс Щедрость, кажется, теперь без ума от миленьких песиков. Ганнибал, возьми Эрлдюю с собой — нужно раздобыть у нашей соседки немного еды.

Пока Роберт общался с Ганнибалом, Эрлдюю предпринял попытку улизнуть, но был вовремя пойман за штанину. Щелкнул замок ожерелья, и бедный счетовод вновь превратился в пса. Ганнибал ловко подхватил его под мышку и направился добывать пропитание.

Когда за друзьями захлопнулась дверь, Роберт устало опустил на стул: «Что же я наделал! Жена рождает первенца разве что не посреди дороги, лучшие друзья вынуждены примерять на себя унижительный для них облик и клянуть еду. Может быть, можно было поступить иначе?»

Но об этом думать было уже поздно, и Тэйлор был бесконечно благодарен своим близким за их терпение и преданность.

Тем временем забавная парочка, позубатившись по дороге, постучала в дверь флигеля.

— Итак, песик, ты готов очаровать нашу милую леди? — успел шепнуть Ганнибал.

Открыв дверь, мисс Кунс увидела перед собой два улыбающихся до ушей лица (строго говоря, одно из них было мордой, из пасти которой обильно капали слюни). Под натиском такого обаяния старой даме ничего не оставалось, как отдать почти все имеющиеся запасы еды.

— Кушайте на здоровье! Ах да, а для вашего славного песика у меня имеются вкусные косточки. Как хорошо, что я не успела их выкинуть. — С этими словами она потрепала собаку за щеку и направилась к столу.

От такого бесцеремонного обращения морда бассета, и без того вытянутая, растянулась еще больше. И от возмущения нижняя челюсть пришла в движение. Ганнибал вовремя вступился за друга:

— Нет, нет! Не нужно! Вы так любезны, уважаемая мисс Кунс...

— Эмма, просто Эмма!

— Хорошо, мисс... Эмма! Просто Эрлдю у нас... на специальной диете.

— Как замечательно, вы такой заботливый хозяин!

Казалось, что бы ни сказал Ганнибал, все приводило старую леди в неопишуемый восторг. У Ганнибала возникли серьезные опасения: а не тронулась ли старушка умом?!

После их ухода мисс Кунс с улыбкой направилась к зеркалу. Поправив воображаемую прядь волос изящным жестом, она критично осмотрела свое облачение.

«И когда я успела так обноситься?! Ну что же, деньги у меня теперь имеются, завтра же займусь новым гардеробом».

И с такими приятными мыслями она отправилась в постель.

Едва переступив порог дома, парочка услышала резкий детский крик.

— Ну наконец-то! — Роберт бросился вверх по ступеням. — Ганнибал, нам понадобится та колыбель, что я достал! — уже на полпути прокричал он. Ворвавшись вихрем в комнату, он увидел свою цветущую жену со свертком в руках. Из одеяла торчала маленькая ручонка, которая, казалось, что-то пыталась поймать в воздухе. Он на цыпочках

подошел ближе и заглянул внутрь свертка. Сморщенный красно-синий комочек смотрел на него пронзительно-голубыми глазами. Такими же, как его собственные.

— У нас мальчик, дорогой, — пропела его жена, и от умиления на глазах у мужчины-воина навернулись слезы. Он незаметно смахнул их и протянул руки к ребенку.

— Мы назовем его Хьюбертом в честь прадеда. Ну, здравствуй, Хью Роберт Тэйлор!

Глава 3 КОМНАТА ВОСПОМИНАНИЙ

За прошедшие восемь лет дом на Лимпик-стрит весьма преобразился. Трещины на фасаде были давно заделаны, и стены покрывала новенькая светло-бежевая штукатурка. Крыша также была полностью отреставрирована, и теперь ее украшала блестящая красно-коричневая черепица. Во дворе появилось множество новых растений: деревьев, кустарников и цветов. По периметру дома от основания до крыши тянулись длинные вьюны, придавая ему некое сходство с лесной хижинкой.

Внутреннее убранство особняка также полностью преобразилось. Как всякая настоящая нимфа, миссис Тэйлор знала, как поддерживать чистоту. Она нисколько не страдала от потери своих магических навыков и легко справлялась с уборкой, превращая это прозаическое действие в легкий волшебный танец. Она кружила по дому с ведром и тряпкой, оставляя за собой лишь шлейф из восхитительных ароматов и ощущение кристальной чистоты. Гораздо сложнее миссис Тэйлор давалось обучение кулинарным навыкам. И все старания освоить этот процесс чаще всего кончались несварением желудков у остальных членов семьи. Собственно, поэтому было принято коллективное решение пресекать любые ее попытки попотчевать домочадцев новыми «шедеврами кулинарии».

Немало в обустройстве дома постояльцам помогло содержимое того самого сундука. Повсюду стояла роскошная

старинная мебель и уникальные предметы интерьера, сохраняя прежний дух благородной старины. Так что если бы даже мисс Кунс все же попала внутрь дома, то упрекнуть его обитателей за изменение общего облика и стиля особняка вряд ли смогла. Кроме того, чтобы как-то разнообразить свою жизнь, Талия всерьез увлеклась обустройством сада, и вскоре ее стараниями он был превращен в великолепнейший райский уголок, в котором цвели замысловатые растения, журчал (непонятно откуда появившийся) ручеек и пели диковинные птицы.

Немало изменилась и сама мисс Кунс как внешне, так и внутренне. Теперь соседи часто видели ее прогуливающейся по магазинам в чисто выстиранной, отглаженной и даже довольно модной одежде. На лице почтенной мисс всегда сияла загадочная улыбка, а от прежней озлобленности не осталось и следа.

«Чудеса, да и только, — шептались соседи. — Видано ли дело, на склоне лет так измениться?!»

Но докопаться до причин столь странных изменений в ее поведении никто бы не смог, так как сразу было решено, что «дорогая мисс Кунс попала под стрелы Амура». В общем, они были не так уж не правы. И теперь трудно было понять: то ли ее поведение было результатом гипнотического влияния мистера Тэйлора, то ли следствием неожиданно нахлынувшей симпатии к его другу. Было ясно одно, что немалую роль в этих изменениях сыграло то, что она избавилась от съедающего ее душу чувства ненужности и одиночества. И, хотя хозяйка дома проживала отдельно от остальных, она часто имела возможность перекинуться словечком со всеми жителями дома по улице Лимпик-стрит, пятьдесят шесть. И часто потчевала их разными вкусностями собственного приготовления..

Легче всех прочих примириться с новой жизнью удалось Ганнибалу. Он быстро освоился в своем новом амплуа и массу времени проводил в образе человека. Подобные перемены произошли в нем благодаря юному Тэйлору, вокруг которого и были сосредоточены все его заботы. Хотя миссис Тэйлор была хорошей матерью: доброй и любящей, она, как

всякая типичная нимфа, была довольно легкомысленна и порой невнимательна по отношению к сыну. А Ганнибал обожал восьмилетнего Хью и уделял ему почти все свое свободное время: читал сказки, мастерил игрушки, катал на спине. А позже, когда мальчик пошел в школу, Ганнибал стал помогать ему с уроками и вообще всячески поддерживал молодого Тэйлора. А по ночам, спустившись в подвал дома, он вновь становился могучим гнедым конем, и то только потому, что так и не привык спать на перинах. Иногда они с Робертом уезжали далеко от города и там, как в старые добрые времена, неслись стремглав по зеленым полям, снова становясь единым целым — наездником и его верным четвероногим другом.

В отличие от этих двух счастливцев Роберт и Эрлдью чувствовали себя в мире людей неуютно. Но Эрлдью тяготился лишь частым пребыванием в шкуре «ненавистой псины», а в остальном был вполне доволен жизнью. Особо близкой дружбы с мальчиком он не завел лишь потому, что просто не мог с ним общаться, будучи в образе собаки. Но он был вовсе не против того, чтобы Хью чесал ему за ушком, гладил и называл «любимым песиком». Все остальное время Эрлдью проводил в подвале в собственном обличье, так как он, как и все его сородичи, любил жить в темных, прохладных пещерах и предпочитал любому общению вдумчивое одиночество.

Поистине несчастным чувствовал себя лишь глава семейства. С годами его характер сильно изменился. Из легкого на подъем, ироничного мужчины он превратился в замкнутого и разочарованного жизнью человека. Случалось так, что Ганнибал упрекал его в невнимании к сыну:

— Послушай, друг, — говорил он, — мальчику не хватает отца.

— У него есть отец. И у него есть ты, и, мне кажется, ты неплохо справляешься.

— Роберт, ты же знаешь, о чем я! Объясни, что тебя так тревожит?

— Как ты не понимаешь?! Не о такой жизни я мечтал для своей семьи. Мой сын мог стать выдающимся воином! Я ли-

шил его дома и прошлого. Я вынужден скрывать от него правду. И что толку в этой правде, если она не позволит сделать его другим!

— Так, может, и не нужно ничего скрывать? Я уверен, парень поймет!

— Что он поймет, Ганнибал?! Что его отец — трус?!

— В том, что ты сделал, трусости не было. Это была необходимость. Если бы я так не считал, я бы никогда не последовал за тобой. И я ни о чем не жалею. Но сейчас ты действительно ведешь себя как трус! Подумай об этом.

— Ганнибал, не пытайся изменить мое решение! Хьюберт никогда ни о чем не узнает! И я прошу тебя больше не совать нос не в свои дела!

Как обычно, после подобных стычек Роберт уходил в свой кабинет и подолгу просиживал там. Это была комната воспоминаний. В ней он хранил дорогие его сердцу вещи: старый сундук его матери, свое воинское облачение, старинные книги, разные магические безделушки и, конечно, свой боевой меч. Запираясь в комнате, он усаживался в кресло и подолгу разглядывал свой меч, гладил лезвие и разговаривал с ним, точно с живым, уносясь мыслями далеко-далеко из этого мира туда, где он был по-настоящему счастлив.

В тот день он в сердцах взбежал по ступенькам вверх и, быстро повернув ключ, вошел в кабинет: «Он назвал меня трусом! Я так и думал! Да как он мог!»

Роберт в раздражении мерил шагами комнату.

«Он ведь просто глупый конь! Куда уж ему понять! Учит меня, как я должен вести себя с сыном, а сам даже не знает, что такое быть отцом! Тоже мне образец для подражания!»

Чтобы успокоить нервы, он глотнул янтарной жидкости из серебряной фляжки с эмблемой дракона. Эта фляжка была особенна тем, что, образно выражаясь, не имела дна. Она всегда была полна превосходного крепкого эля и при неосторожном обращении с ней могла напоить своего обладателя до полусмерти.

Мистер Тэйлор никогда не отличался тягой к алкоголю, но в этот раз, погруженный в свои невеселые размышления и

понимая в глубине души справедливость претензий Ганнибала, он немного увлекся. Расслабившись вконец и успокоив свою совесть очередной проповедью о безопасности семьи, он все-таки решил найти Ганнибала и извиниться. Быстро покинув кабинет, он наткнулся на Хью, играющего на ступеньках в солдатиков, с улыбкой потрепал его по голове и пошел дальше, даже не вспомнив, что забыл запереть дверь.

Восьмилетний Хью Тэйлор был уменьшенной копией своего отца. Взглянув на них, стоящих рядом, можно было с легкостью представить самого мистера Тэйлора в детстве. Тот же прямой нос, слегка увеличенная верхняя губа и чуть выступающий волевой подбородок. Мальчику особенно нравилось, когда мать зачесывала его черные, немного вьющиеся волосы на правый пробор.

«Прямо как у папы», — думал Хью и радовался, что так он еще больше похож на своего родителя.

Мальчик рос в любви и заботе, он практически ни в чем не знал отказа: самые дорогие и красивые игрушки появлялись в его комнате словно по волшебству, стоило ему лишь только заикнуться. И будучи по природе своей ребенком послушным и ласковым, не давал повода для нареканий. Но как ни старались его мать и Ганнибал, ему все равно очень не хватало внимания и признания отца. Нет, мистер Тэйлор не был с ним суров, даже напротив. Он иногда играл с сыном, укладывал его спать, отвозил в школу, но мальчик чувствовал, что отец делает это как-то неохотно, как будто он предпочел бы сейчас заняться чем-то другим или кем-то другим... Хью не был уверен. Он знал, что отец по-своему любит его, но ему хотелось чего-то большего. Наверное, чтобы его папа был горд им.

«Но за что ему мной гордиться, ведь я такой обычный, — думал Хью. — Я не такой сильный, как Джек Трэнт, и не такой умный, как Стю Крол, и даже не такой талантливый, как Том Ли».

Больше всего Хью любил просто сидеть на ступеньках и мечтать о том, как он вырастет и станет таким супергероем,

одним из тех, что сражаются со злом в его любимых комиксах. И финал его фантазий, какими бы неожиданными они ни были, всегда имел один конец: он спасает мир, и отец обнимает его и говорит, что гордится им.

Вот и в этот самый обычный день Хью сидел на ступеньках широкой лестницы, ведущей на второй этаж, и предавался своим обычным мечтам, когда отец прошел мимо, потрепав его по голове. И как всегда, мальчик испытал то же самое чувство: будто отец мыслями где-то далеко. Когда мистер Тэйлор скрылся из виду, он вскочил, впервые почувствовав сильное желание что-нибудь разбить или сломать. Сжав кулаки, он быстро зашагал по лестнице в надежде отыскать дядю Ганнибала. Обычно его дядя умел находить нужные слова, и Хью мог снова чувствовать себя почти счастливым. Дядя был всегда с ним откровенен, хотя порой мальчику казалось, что он знает какую-то тайну, но молчит об этом.

Проходя по коридору мимо кабинета отца, мальчик вдруг заметил, что всегда прежде запертая дверь приоткрыта. Его охватила радость, какую испытывают дети в Рождество, обнаружив под елкой долгожданный подарок. Не знаящий ни в чем отказа, Хью не понимал, почему отец никогда не позволял ему входить в свой кабинет.

«Там хранятся важные рабочие документы», — объяснял свой запрет мистер Тэйлор. Но мальчик все равно не понимал, зачем тогда он держит комнату на замке, ведь если бы отец просто попросил не ходить туда, он никогда бы не сделал этого. В конце концов эти обстоятельства разбудили в нем нешуточное любопытство, и сейчас он был в шаге от того, чтобы удовлетворить его.

Хью огляделся, чтобы убедиться, что никто за ним не наблюдает, и на цыпочках скользнул в комнату. Войдя внутрь, он застыл в изумлении: настолько это место оказалось непохожим на строгий рабочий кабинет, который он себе всегда представлял. Скорее оно напоминало музей, наполненный редкими старинными экспонатами. На стенах висели различные виды холодного оружия, богато украшенного разноцветными камнями. Похожие попадались ему в книгах по истории, но некоторые он видел впервые. Вдоль стены стоя-

ли разного размера сундуки с замысловатыми рисунками по бокам. У стены напротив располагались сосуды интересных форм и размеров. На полках были толстые книги в богато украшенных переплетах: такие (он был уверен) не продавались в обычных книжных магазинах. И тут он заметил лежащий на столе огромный блестящий меч: у него была мощная рукоять, наконечник которой был увенчан большим прозрачным белым камнем, торчащим из пасти дракона. Длинное лезвие было выполнено из металла серебристого оттенка такой пронзительной чистоты, что, казалось, меч излучал свет. Хью неодолимо потянуло прикоснуться к нему. Он подошел к столу и попытался поднять клинок, но тот даже не сдвинулся с места. Убедившись, что меч не прикручен к столу и его ничто не держит, мальчик попробовал снова, но результат, увы, остался прежним. Ему не удалось сдвинуть оружие ни на дюйм.

«Такой тяжелый! — подумал Хью. — Неужели отец может его поднять? Какой же он сильный!»

В этот момент в дверь вошел мистер Тэйлор. Заметив сына, пытающегося сдвинуть его меч с места, он испытал сильнейший приступ паники.

— Вон отсюда! — закричал Роберт не своим голосом.

Хью вздрогнул всем телом и, увидев разгневанного отца, пулей вылетел из комнаты.

Несколько секунд спустя мистер Тэйлор пришел в себя. Подбежав к двери, он прокричал:

— Хью, вернись, я не хотел!

Но мальчика уже и след простыл. Он бежал по саду не оборачиваясь, как будто за ним гнались злые, разъяренные собаки. Добежав до забора, он резко сел на траву, уронил голову на руки и горько заплакал.

Роберт Тэйлор стоял бледный посреди кабинета, осознавая, что все еще можно исправить. Нужно только спуститься вниз, найти сына и попросить у него прощения. Но он также знал, что этого будет недостаточно, что нужно будет обо всем ему рассказать. А он не мог. Не хотел, чтобы сын считал его трусом — пусть лучше считает бессердечным ти-

раном. Он устало опустился на стул, обхватил голову руками и прошептал:

— Прости меня, сынок!

Глава 4 УДИВИТЕЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА

После этого случая и без того непростые отношения между отцом и сыном стали еще более прохладными. Поначалу Хью побаивался, что отец его накажет, но ничего так и не произошло. Глава семьи вел себя так, как будто ничего не случилось. Спустя некоторое время Хью решил поведать Ганнибалу о том неприятном происшествии, но взял с него слово, что тот не станет обсуждать этот случай с отцом.

Выслушав его историю, Ганнибал нахмурился и серьезно спросил:

— И что ты обо всем этом думаешь, парень?

— Да что тут думать? По-моему, мой папа просто собирает все эти старые вещи! И еще я думаю, что все эти железяки и склянки значат для него гораздо больше, чем я! — насупившись, заявил мальчик.

— Послушай, Хью, это не так! Твой отец — сложный человек, но он любит тебя...

— Не надо, дядя! — едва сдерживая слезы, всхлипнул Хью. — Я уже взрослый и все понимаю. Вот ты меня любишь, а он нет!

Ганнибал только вздохнул. В конце концов, он решил проявить уважение к решению парня и не стал на него давить.

— Ну, хорошо, хорошо. Давай не будем это обсуждать, если ты не хочешь, — примирительно сказал Ганнибал и почувствовал, как мальчик расслабился.

Минуло четыре года. Этот неприятный эпизод как-то понемногу забылся, как это часто случается в детстве. У

Хью теперь появилось новое интересное увлечение. Его мать, Талия Тэйлор, была морской нимфой, и ее постоянно тянуло к морю. В надежде, что ее сын мог унаследовать ее любовь к воде, она предприняла попытку обучить его плаванию и не ошиблась в своих предположениях. Мальчик так полюбил это занятие, что они стали часто по утрам ездить к морю, чтобы потренироваться. У Хью все выходило удивительно хорошо, и вскоре он мог заплывать уже очень далеко. Он чувствовал себя в воде легко и свободно.

Как-то утром за столом Хью объявил:

— Мама, я хочу записаться в школьную команду по плаванию, если вы не против.

Миссис Тэйлор с радостью встретила желание сына:

— Конечно, мы не против, дорогой! На днях съездим в магазин и купим все необходимое.

— Я узнавал у Эдди Саммерса, он с прошлого года в команде, мне потребуется пройти медицинский осмотр и представить справку о том, что я здоров и могу тренироваться, — сказал мальчик.

— Хорошо. Не волнуйся, мы обо всем договоримся, правда, Роберт? — пропела миссис Тэйлор.

— Да, да, — с задумчивым выражением лица ответил Роберт Тэйлор и пристально посмотрел на сына.

У Хью возникло впечатление, что отец впервые заинтересовался его делами, но почему-то его это не порадовало.

Когда завтрак был закончен и Хью, Ганнибал и Эрлдью отправились погулять в сад, мистер Тэйлор решил поговорить с женой.

— Дорогая, нам нужно обсудить решение нашего сына.

— А что тут обсуждать, дорогой, у Хью настоящий талант! Ты бы видел, он просто великолепен! Он дал бы фору любому спортсмену!

— Вот это-то меня и тревожит. Тебе кажутся нормальными его способности, а для людей они необычны. Даже не получив наших магических навыков, он все равно остается не просто ребенком. Благодаря твоим генам он будет плавать лучше любого одногодка, а благодаря моим — лучше других бегать, дальше прыгать и демонстрировать большую силу.

— Ну и что! — Миссис Тэйлор наконец решилась дать бой. — Мало того что из-за твоих страхов ты стал чужим своему сыну! Да, да, я не слепая! Я все вижу и замечаю. Просто я всегда вела себя как примерная жена и не вмешивалась в твои решения. А теперь ты решил лишить его возможности показать миру свои таланты! Да ты сам блистал в этом возрасте! Ты тоже был слишком талантлив даже для нашего мира, и ничего!

Мистер Тэйлор, казалось, потерял дар речи. Очнувшись от оцепенения, он пошел в атаку:

— Послушай, Талия! Нам нельзя привлекать к себе излишнее внимание. Ты же понимаешь, что мы не совсем обычная семья. У нас в подвале живет конь, который прикидывается моим братом, и странное лапчатое существо, которое по совместительству исполняет роль нашей собаки. Заметь, без особого энтузиазма! Им и так тяжело. Наш дом наполнен редкими старинными вещами, а никто из нас даже не работает! Так мы еще и в бегах, если ты не забыла. И мне бы вовсе не хотелось, чтобы у нас возникли проблемы, только потому, что нашему сыну потребовалось блеснуть перед одноклассниками! Ему же никто не запрещает плавать с тобой! Пусть наслаждается процессом без публики! И мне бы хотелось рассчитывать на твою поддержку в этом вопросе!

Миссис Тэйлор вздохнула. Она понимала, что переубедить мужа ей не удастся и все, что она могла сделать для сына, это обставить все так, чтобы мальчик не понял, кто истинный виновник этого решения.

На следующий день они поехали на медицинский осмотр. Обойдя всех врачей и сдав уйму анализов, Хью чувствовал себя измотанным, но счастливым. Он уже предвкушал, как покажет всем, что он не просто застенчивый симпатичный мальчик. Ему уже надоело быть в школе пустым местом. Он относился к той категории учеников, которых никто не трогает, просто потому, что они обычные: не фрики, не слабаки, а просто ничем не выдающиеся личности. И хотя по некоторым предметам Хью демонстрировал великолепный уровень знаний, по другим он сильно отставал, но лишь потому, что эти предметы просто были ему неинтерес-

ны. Из-за такого избирательного подхода его лицо так ни разу и не появилось на доске почета. А ему так хотелось хоть чем-то выделиться. Но в глазах окружающих он был простым мальчиком, хотя и обладавшим очень выразительной внешностью. О нем часто так и говорили: «Ах, это тот хорошенький мальчик из шестого класса...» Он, конечно, очень нравился девочкам. Они часто шептались, показывая пальцем в его сторону, и глупо хихикали. Но его только раздражало такое повышенное внимание, и он не ответил взаимностью ни одной из них. Ведь им был интересен вовсе не он, а лишь его внешняя оболочка. И вскоре интересующиеся им девочки, оскорбившись таким пренебрежением, объявили ему негласный бойкот. Но как они ни старались донести до него смысл этого бойкота, он его так и не понял, а был только рад тому, что, наконец, его оставили в покое.

Ему отчаянно хотелось быть признанным именно мужской частью школьного коллектива. Чтобы его приняли как равного все эти футболисты, пловцы и прочие школьные знаменитости. А они, как назло, никак его не замечали. Ведь даже девчонки, которые толпами шушукались у него за спиной, были самыми обычными и не такими интересными, как у тех ребят. Но самым глубинным его желанием, в котором он едва ли смог бы признаться самому себе, было вовсе не стремление покорить сердца его школьных знакомых. По настоящему ему хотелось завоевать лишь одно сердце — сердце своего отца.

Этим утром Хью проснулся в хорошем расположении духа. Он спустился к столу и, пока Талия подавала еду на стол, с улыбкой листал спортивный журнал.

— И что это ты нынче такой веселый? — спросил его Ганнибал, наливая стакан молока.

— Я сегодня пойду на первую тренировку! Вот только дождусь папу, он должен привезти справку из клиники, — весело ответил Хью.

От внимательного взгляда Ганнибала не укрылось то, как опустились плечи миссис Тэйлор, подающей на стол зав-

трак. Это было такой редкостью — видеть, как Талия грустит. Он сразу почувствовал, что что-то стряслось. Но окончательно картина прояснилась, когда на пороге дома появился мистер Тэйлор.

— Папа, папа, ты ее принес? Давай скорее, мне нужно успеть на тренировку к десяти! — Мальчик вскочил со стула и побежал к отцу.

— Постой, Хью, не так быстро. Садись, сынок, нам нужно серьезно поговорить, — остановил его отец.

— Папа, у тебя что-то случилось? — Хью замер в ожидании ответа.

— Нет, сын, не у меня. — Мистер Тэйлор сделал паузу. — Я был у доктора Штейна, он передал мне результаты твоего обследования... К сожалению, ты не можешь заниматься плаванием или другим активным видом спорта... У тебя обнаружены некоторые проблемы со спиной. Любые чрезмерные нагрузки, которые неизбежны при серьезных занятиях спортом, могут привести к повреждению позвонков и тяжелым последствиям для здоровья. Ты понимаешь меня?

Он с надеждой посмотрел на сына и понял, что мальчик очень расстроен. Стараясь сохранять бодрое выражение лица, он добавил:

— Но есть и хорошие новости! Если делать все потихоньку, без перегрузок, то ты можешь, как и раньше, ездить плавать с мамой или играть в любые другие подвижные игры. Но понемногу и не прилагая больших усилий.

Сидящий под столом Эрлдю не выдержал и тяпнул Роберта за ногу. Эта была единственная форма протеста, которую он мог себе позволить в присутствии мальчика. Сообразив, что повел себя как обычный пес, он начал отплевываться, чтобы избавиться от неприятного привкуса брючной ткани во рту, и, рыча что-то себе под нос, направился в подвал. Он не удостоил главу семьи взглядом, а лишь взглянул на Ганнибала, призывая последовать его примеру и как минимум лягнуть предателя копытом меж глаз.

После такой реакции друга мистери Тэйлору ничего не оставалось, как ретироваться к себе в кабинет. Он попросту

побоялся взглянуть в глаза жене и Ганнибалу. Он знал, что не увидит там ничего, кроме разочарования.

— Мне очень жаль, Хью, — только и сказал он, уходя.

В этом году Хью исполнилось шестнадцать лет. За это время парень подрос и сильно изменился. Из веселого, немного стеснительного мальчика он превратился в серьезного красивого юношу. Он заранее начал подготовку к поступлению на химико-биологический факультет за океаном, в Гарвард. Хьюберт не очень-то удивился, когда отец сообщил ему, что подобрал для него учебное заведение не в Англии, что было бы логично, а в далеких Соединенных Штатах Америки. Это само собой предполагало то, что возможности приехать на каникулы или бывать в гостях у родителей будут сведены к минимуму. Хью не видел никаких причин для принятия подобного рода решения, но действия отца уже не задевали его так, как прежде. Он привык к его странному отношению и, в общем, сам понимал, что пора уже начать самостоятельную жизнь. Он давно перестал мечтать и уже не старался добиться внимания своего отца, а испытывал лишь обиду и горечь.

После того, как он узнал о своих проблемах со здоровьем, Хью, казалось, и вовсе потерял интерес к спорту. Почти каждое утро начиналось приблизительно так:

— Хью, дорогой, я поехала на пляж, сегодня отличная погода! Может, поедешь со мной? — веселым тоном зазывала его мать.

— В другой раз, мам! — отвечал Хью.

Но оба они знали, что этот другой раз вряд ли наступит. И даже старания дяди Ганнибала увлечь его игрой в баскетбол или футбол прошли даром. Хью предпочел удалиться от спорта. А поскольку его всегда привлекала магия химических реакций и он очень любил заниматься ботаникой, то выбор будущей специальности стал очевиден. Он посвятил подготовке к поступлению все свое свободное время, никогда не посещал никаких школьных внеклассных мероприятий и постепенно перешел в разряд абсолютных отлични-

ков. Его могли бы считать заучкой, если бы не его уникальная внешность. Он был строен, в меру высок и удивительно привлекателен для зубрилы. И когда-то бойкотирующие его девочки, став вполне уже взрослыми девушками, готовы были теперь забыть все обиды, лишь бы он обратил на них внимание. Но он по-прежнему оставался равнодушным. И это разжигало девичьи фантазии еще больше. И даже многие парни с завистью и злостью поглядывали в его сторону.

Единственным его другом в школе оставался Эдди Саммерс, тот самый мальчик из школьной команды по плаванию, который и предложил когда-то Хью записаться в команду. Только Эдди он рассказал о своих проблемах со здоровьем. А тот факт, что Эдди не растрепал о его недостатке на всю школу, сделало Саммерса в глазах Хью самым надежным другом. Они даже однажды отправились вместе поплавать, и Эдди ждал не очень приятный сюрприз:

— Как ты это сделал? — Он все еще не мог поверить, что Хью смог его обставить.

— Ты просто сегодня был не в форме, друг. А я очень-очень старался, чтобы не ударить в грязь лицом, — ответил ему Хью, понимая, что он сам ничуть не старался и при желании мог бы плыть еще быстрее.

— Пожалуй, ты прав. — Уязвленное самолюбие не позволило Эдди предложить вторую попытку. — Но ты все равно молодец! Настоящий талант!

Кому-то другому эти слова могли бы польстить, но Хью стало как-то не по себе. Он ясно осознал, чего мог бы добиться, если бы не этот его физический недостаток. И он решил больше не повторять таких заплывов, а Эдди и не настаивал.

Вопреки разности интересов (один был увлечен спортом, другой — наукой) они прекрасно ладили. Эдди никогда не болтал ерунды и был ценным источником новостей о спортивном мире школы. Как Хью ни хотел, он не смог выкинуть эту страсть из своей души. И всегда жадно впитывал всю информацию о результатах соревнований.

В понедельник Эдди заехал за ним в школу.

— Хью, ты должен мне пообещать одну вещь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Дом на Лимпик-стрит	5
<i>Глава 2.</i> Необычные жильцы	11
<i>Глава 3.</i> Комната воспоминаний	21
<i>Глава 4.</i> Удивительная эстафета	28
<i>Глава 5.</i> Сумасшедший день	40
<i>Глава 6.</i> Природные лазейки	60
<i>Глава 7.</i> Новый знакомый	68
<i>Глава 8.</i> Счастливое возвращение	89
<i>Глава 9.</i> Первый, кто смог вернуться	99
<i>Глава 10.</i> Неудавшийся праздник	125
<i>Глава 11.</i> Поляна ста дубов	141
<i>Глава 12.</i> Важный урок	156
<i>Глава 13.</i> Ночь привидений	173
<i>Глава 14.</i> Полоса препятствий	184
<i>Глава 15.</i> Поединок	194
<i>Глава 16.</i> Чрезвычайное происшествие	217
<i>Глава 17.</i> Хранитель древних тайн	242
<i>Глава 18.</i> Неупокоенная душа	250
<i>Глава 19.</i> Поиски	257
<i>Глава 20.</i> Тайна призрака	270
<i>Глава 21.</i> Тайное братство	276
<i>Глава 22.</i> Падение королевства	289
<i>Глава 23.</i> Побег	302